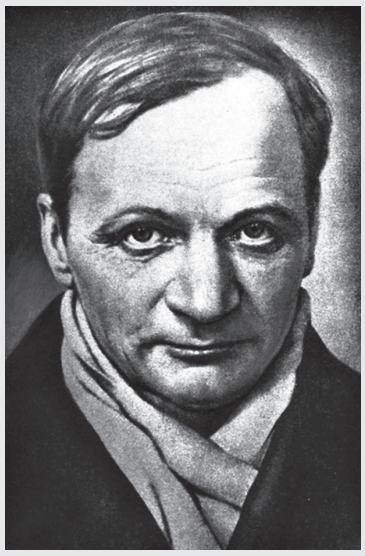
1 сентября -120 лет со дня рождения Андрея Платонова



Андрей Платонович Платонов (Климентов) (1899 – 1951) – русский советский писатель, прозаик и драматург XX века, творчество которого отличается оригинальностью и самобытностью.

Родился Андрей Климентов 20 августа (1 сентября) 1899 года в Воронеже в рабочей семье, в которой после Андрея было ещё 10 детей. Будучи старшим сыном, Андрей Платонович помогает родителям в воспитании братьев и сестёр, а позже начинает обеспечивать материально.

Образование в биографии Платонова (фамилию сменил в 1920 году) было получено вначале в церковно-приходской школе, затем – в 4х-классной городской школе. С 1918 года стал учиться в техническом училище Воронежа. Из-за трудного материального положения в семье рано начал работать. Сменил он много профессий: был помощником машиниста, литейщиком труб на заводе, работал в страховой сфере, в производстве мельничных жерновов.

Писать стал во время гражданской войны, поскольку работал военным корреспондентом. За этим последовала активная творческая деятельность: Платонов проявил себя как талантливый писатель (публицист, поэт) и критик. В 1921 году он публикует свою первую книгу «Электрификация», а 1922 году в свет выходит книга стихов Платонова «Голубая глубина», получившая положительные отзывы критиков.

В 1923 году поэт Валерий Брюсов положительно отозвался о сборнике стихов Андрея Платоновича.

После окончания политехникума в 1924 году, Платонов работает электротехником и мелиоратором.

В 1927—1930 гг. Платонов пишет одни из самых значимых своих произведений: повесть «Котлован» и роман «Чевенгур».

После печати повести «Впрок», которая была резко раскритикована Иосифом Сталиным, произведения писателя отказываются публиковать. Во время Великой Отечественной войны Платонов, как и во время гражданской войны, работает военным корреспондентом. Повести и военные рассказы Платонова снова печатаются.

Однако литературная свобода писателя продлилась недолго. В 1946 году, когда вышел рассказ Платонова «Возвращение», его снова перестают печатать из-за чрезмерной критики, теперь уже навсегда. Умер писатель 5 января 1951 года в Москве от туберкулеза, и был похоронен на Армянском кладбище.

Литературная слава к писателю пришла уже после смерти. Как кратко заметил В. Васильев: «Читатель разминулся с Андреем Платоновым при его жизни, чтоб познакомиться с ним в 60-е годы и открыть его заново уже в наше время».

В память о писателе в Воронеже его именем названы улица, библиотека, гимназия, литературная премия, а также в его честь установлен памятник в центре города.

ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днём спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

— Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, — сказал нынче утром Афоня дедушке.

— Не буду, Афонюшка, я не буду, — ответил дед. — Я лежать буду и на тебя глядеть.

— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? — спросил тогда Афоня.

— Нынче я не буду глаза смежать, — обещал дедушка Тит. — Нынче я на свет буду смотреть.

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трёх девяносто будет, глаза уж сами жмурятся.

— А тебе ведь темно спать, — говорил Афоня. — На дворе солнце горит, там трава растёт, а ты спишь, ничего не видишь.

— Да я уж все видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слёзы в них плачут?

— Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали; мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде деда были хлебные крошки, и там жил ещё один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда — пусть живёт отдельно. Руки дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые чёрные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

— Мамы нету, папы нет, дедушка спит, — говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже уморились и хотели уснуть.

— Проснись, дедушка, — просил Афоня. — Ты спишь?

— А? Нету, я не сплю, — ответил дедушка Тит с печки.

— Ты думаешь? — спрашивал Афоня.

— А? Я тут, Афоня, я тут.

— Ты думаешь там?

— А? Нету, я всё обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.

— Дедушка Тит, а ты всё знаешь?

— Все, Афоня, я всё знаю.

— А что это, дедушка?

— А чего тебе, Афонюшка?

— А что это всё?

— А я уж позабыл, Афоня.

— Проснись, дедушка, скажи мне про всё!

— А? — произнёс дедушка Тит.

— Дедушка Тит! Дедушка Тит! — звал Афоня. — Ты вспомни!

Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи.

Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня уморился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей тёплой землею.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

— Вставай, дедушка, — сказал Афоня. А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда он спит; и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснётся.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колесики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало? Это ты шумел?

— А ты не спи! — сказал Афоня. — Ты скажи мне про всё! А то ты спишь и спишь, а потом умрёшь, мама говорит — тебе недолго осталось; кто мне тогда скажет про всё?

— Обожди, дай мне квасу испить, — произнёс дед и слез с печи.

— Ты опомнился? — спросил Афоня.

— Опомнился, — ответил дед. — Пойдём сейчас белый свет пытать.

Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повел Афоню полевой дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня. — А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про всё! А этот цвет растёт, он не всё!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

— Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь — песок мёртвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живёт и не дышит, он мёртвый прах. Понял теперь?

— Нет, дедушка Тит, — сказал Афоня. — Тут понятного нету.

— Ну, не понял, так чего же тебе надо, раз ты непонятливый? А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда все берётся. Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь.

— А трава и рожь тоже главное делают? — спросил Афоня.

— Одинаково, — сказал дедушка Тит.

— А мы с тобой?

— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем. А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке берут. Ты бы нарвал их да снёс. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его, или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

— Теперь я сам знаю про всё! — сказал Афоня. — Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрёшь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошёл опять в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал жёлтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнёс в аптеку, на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принёс его деду и подарил ему: пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

— Спасибо тебе, Афонюшка, — сказал дед. — А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мёртвом песке живут?

— Не сказывали, — ответил Афоня. — Ты вон сколько живёшь, и то не знаешь. А говорил, что знаешь про всё. Ты не знаешь.

— Правда твоя, — согласился дед.

— Они молча живут, надо у них допытаться, — сказал Афоня. — Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся, погладил головку внука и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.